

Г.А. Гаджиев. ОНТОЛОГИЯ ПРАВА (КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ). М.: Норма, Инфра-М., 2013. 320 с.

В последнее время в русскоязычном правоведении наблюдается появление ряда работ ученых, принадлежащих к различным отраслям права, которые в ходе осмысления своего предмета не удовлетворяются существующими рамками своих специальностей, но обращаются к философским основаниям права в целом¹. Ярким примером такой тенденции является монография российского ученого-конституционалиста Г.А. Гаджиева, в которой он предпринимает попытку критического анализа юридического концепта действительности.

“Профессиональное мышление юриста в результате утрачивает важнейший навык – видеть полноту жизни и у неё учиться. Глаза юриста застилает то, что я называю символическими правовыми структурами либо знаками – юридическими понятиями, лежащими в основе позитивного права” (с. 12). С такого шокирующего для профессиональных юристов заявления автор рецензируемой монографии начинает излагать свои размышления по поводу юридической действительности. Юристы зачастую забывают о том, что окружающая нас реальность может быть истолкована не только в правовом, но, вместе с тем, и в эстетическом, религиозном, моральном, экономическом и бесчисленном множестве иных ракурсов. Вместе с тем (и эта ситуация наиболее ясно проявляется в конституционном праве, которое оперирует предельно общими понятиями с максимальной смысловой нагрузкой) такие феномены, как “правовое государство”, “достоинство личности”, “экономическая свобода”, отсылают к глубоким концепциям (с. 7), зачастую принадлежащим к иным сферам: политики (государство), морали (достоинство), экономики (экономическая свобода) и пр. Схожая ситуация складывается и, например, в гражданском праве, когда такие фундаментальные категории цивилистики, как “вещь”, “лицо”, “свобода волеизъявления” не могут быть осмыслены исключительно внутри методологического аппарата данной науки.

Тем самым Г.А. Гаджиев исподволь подводит читателя к концептуальному постулату своей работы: всякое глубокое изучение права (конституционного, гражданского, уголовного и т.п.) приводит к выходу за рамки той или иной отрасли и вынуждает перейти к философско-правовому уровню осмысления. Автор убежден, что философско-правовое знание

является действительным основанием юриспруденции, а все более или менее значимые шаги вперед в этой сфере – результат приложения философского знания к юридической действительности (с. 6).

В качестве такой общей – методологической – основы для исследования проблем права российский правовед предлагает “юридический концепт действительности”. Это предельно общая, абстрактная категория, которая позволяет охватить все проявления права, в том числе “виртуальную реальность” электронных правовых операций, “нематериальную реальность” юридических лиц, “внегосударственную реальность” транснациональных корпораций и т.д. Результатом её экстраполяции на “наш” мир является возникновение “юридической картины мира”, т.е. устойчивой и взаимосогласованной системы взглядов на мир и наше место в нем с точки зрения юриспруденции.

При этом следует иметь в виду, что согласно авторской позиции юридический концепт действительности не есть произвольная методологическая конструкция. Как подчеркивает Г.А. Гаджиев, сам по себе юридический концепт действительности сложился объективно. Это – своего рода естественная закономерность (с. 23). Тем самым это – своеобразное социально-исторически сложившееся мировоззрение, которое само по себе должно стать не объектом догматического постулирования, но предметом критического, философско-правового анализа. В свою очередь, результаты такого анализа, предпринятого Г.А. Гаджиевым, служат фундаментом для постановки и решения ряда важнейших проблем конституционного права: его онтологической структуры (включающей в себя позитивное и естественное право, а также традиции и сложившуюся правоприменительную практику) (с. 188), связи спора и согласия как важнейших универсалий онтологии права, в том числе конституционно-го и др. (с. 200).

В качестве методологической основы своего исследования автор обращается к достижениям современных философов в области онтологии права. Так, он широко использует концепцию правовой реальности украинского ученого С.И. Максимова (с. 123), анализ онтологической структуры права, выполненный немецким философом права А. Кауфманом (с. 139), понимание права как “части порядка части порядка”, сформулированное немецким правоведом Э. Фехнером (с. 144), и др. Это дает возможность автору методологически обоснованно подойти к решению указанных выше вопросов, не удовлетворяясь обычными для отраслевых наук догматическими ответами, но выходя на философско-правовой уровень осмысления. Тем самым главным и несомненным достоинством рецензируемой монографии являются новизна постановки проблем и оригинальность предлагаемых путей их решения, что обусловлено используемой в работе современной философско-правовой методологией и дает основания считать данную монографию имеющей до-

¹ Можно сказать, что это – возрождение тенденции, возникшей еще в дореволюционное время. Так, например, по сути философское осмысление оснований гражданского права предпринимал И.А. Покровский в работе “Основные проблемы гражданского права”. В настоящее время примерами таких работ являются в сфере международного права: *Мережко А.А.* Психологическая теория международного права (Публичного и частного). Одесса, 2012; гражданского права: *Андрианов Н.В.* Правосубъектность: резоны и ризомы // Росс. ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 357–371; уголовного процесса: *Александров А.С.* Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве. С. 473–497 и т.д.

ктринальное значение для науки конституционного права, а также представляющей значительный интерес в философско-правовом аспекте.

Вместе с тем, как и всякое неординарное сочинение, труд Г.А. Гаджиева содержит ряд полемических, спорных моментов.

Так, прежде всего обращает на себя внимание двойственность авторского определения юридического концепта действительности. Как утверждает российский правовед, юридический концепт действительности с точки зрения онтологии права представляет собой одну из важных *методологических категорий, онтологическую структуру* (курсив мой. – А.С.) (с. 27). Спорность данного положения заключена в том, что если методологическая категория – это своеобразный теоретический конструкт, призма, сквозь которую мы смотрим на действительность, то онтологическая структура есть нечто, присущее самой этой действительности, т.е. составляющая основоустройство бытия исследуемого явления. Другими словами, *методологическая категория* есть *искусственное образование, специально вводимое в гносеологических целях изучения явления, в то время как онтологическая структура – нечто естественное, составляющее онтологию* изучаемой предметной области. Тем самым автор не определяет онтологический статус самого юридического концепта действительности – существует ли он в *сознании* исследователя либо же в *бытии* самого исследуемого явления, т.е. является ли юридический концепт действительности *результатом* философско-правовой *рефлексии* либо же *дорефлексивным* моментом правовой реальности?

Представляется, что причиной такой онтологическо-гносеологической двойственности является в достаточной мере спорная авторская трактовка философии М. Хайдеггера, которая используется как общеправовое основание исследования, как ориентация на анализ бытия, исходя из внутреннего индивидуального сознания человека (с. 82). М. Хайдеггер принципиально отказывается от термина “сознание”, тем самым отграничивая свое учение – фундаментальную онтологию – от феноменологии сознания своего

учителя Э. Гуссерля. Новизна подхода М. Хайдеггера как раз и заключалась в том, что он переориентировал внимание с *рефлексии сознания* познающего субъекта на его *бытие* как предшествующее всякой рефлексии и делающее таковую возможной². Собственно, основная критика М. Хайдеггера в адрес Э. Гуссерля и состояла в том, что, игнорируя онтологическое различие между бытием и сущим, последний не ставил вопроса о способе бытия самого интенционального сознания, вследствие чего становилось невозможным онтологическое различение феноменов сознания и бытия³. Поскольку Г.А. Гаджиев не учитывает этого принципиального момента, юридический концепт действительности оказывается “растянутым” между сферами онтологии и гносеологии.

Вместе с тем указанные дискуссионные моменты не следует расценивать как недостаток рецензируемой монографии. Они побуждают нас к дальнейшему осмыслению упомянутых проблем. Представляется, что именно в проблематизации юридической действительности, которая традиционно мыслилась как нечто догматическое, как раз и состоит истинная ценность данной работы, в которой, несомненно, присутствует самое главное – живой нерв оригинальной авторской мысли.

Алексей Вячеславович Стовба,
канд. юрид. наук (Харьков)
(E-mail: stovba34@mail.ru)

² Как указывает сам М. Хайдеггер, “феноменология... должна раскрыть действительность именно так, как она показывает себя *прежде*, чем наука обращается к ней со своими вопросами, и в качестве той действительности, данность которой предшествует *вопросам* науки (курсив мой. – А.С.)... . Лишь этим обеспечивается почва для теории наук, т.е., во-первых, для интерпретации их происхождения из донаучного опыта, во-вторых, для демонстрации их подхода к преданной действительности и, в-третьих, для определения того, как на основе такого исследования формируются понятия” (см.: *Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени*. Томск, 1998. С. 8).

³ См.: там же. С. 122 и далее.